

Генерал Георгий Шпак

Борис Костин

Борис Костин

Генерал Георгий Шпак

«Костин Борис Акимович»

2011

Костин Б. А.

Генерал Георгий Шпак / Б. А. Костин — «Костин Борис
Акимович», 2011

ISBN 978-5-9902354-1-0

Борис Костин, автор более десятка книг, в том числе в «Молодогвардейской» серии «Жизнь замечательных людей», представляет жизнеописание генерал-полковника Георгия Ивановича Шпака, командующего Воздушно-десантными войсками России (1996–2003], губернатора Рязанской области (2004–2008], человека неординарного, в жизни которого главенствующим принципом является верное и беззаветное служение Отечеству.

ISBN 978-5-9902354-1-0

© Костин Б. А., 2011

© Костин Борис Акимович, 2011

Содержание

Часть 1. Генерал Георгий Шпак	6
Ода Беларуси	6
Ершистый Шпак	12
Становление	14
Курсант Георгий Скворцов	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Борис Костин

Генерал Георгий Шпак

© Костин Б. А., 2011

© Клуб «Ода», 2011

* * *

Часть 1. Генерал Георгий Шпак

Ода Беларуси

По уходящей в века армейской традиции, существующей по сей день, представляю героя моего повествования – генерал-полковника Георгия Ивановича Шпака, более сорока лет верой и правдой служившего Советскому Союзу, а с его распадом – России.

Однако прежде чем приступить к жизнеописанию моего однокашника по Рязанскому высшему воздушно-десантному училищу и собрата по «Войскам дяди Васи», выскажу возможно крамольную мысль о том перекосе, который внушается со школьной скамьи «юношам, обдумывающим житье» (да и не только им, но и девицам] – об особой значимости в истории того или иного государства поэтов, писателей, художников, композиторов, осененных божественной дланью, забывая о том, что ратный труд не менее значим, чем служение музам.

Всякий раз, когда речь заходит о земле белорусской, то рядом с этим емким понятием, вместившем неброские, но примечательные красоты, трудолюбие и душевность народа, неизменно произносятся слова «многострадальная» и «героическая».

Вспомним, что во времена летописные с берегов Двины по известному пути «из варяг в греки» отправлялись в дальние походы дружины кривичей, что в приснопамятной битве на Неве в войске новгородского князя Александра Ярославича отважно сражался со шведами Яков Полочанин, что в кровопролитной Грюнвальдской битве рати белорусские стали грудью на пути нахрапистому призыву тевтонов: «Дранг нах Остен».

В белорусской земле покоятся останки выдающегося военачальника графа И. Ф. Паскевича-Эриванского, героя Отечественной войны 1812 года. Рядом с его портретом в Военной галерее Зимнего дворца в Санкт-Петербурге красуется портрет генерал-майора Я. П. Кульнева, который появился на свет Божий на почтовой станции близ небольшой белорусской деревеньки Сивошино и пал героем возле нее в сражении против наполеоновских войск в июле 1812 года.

Тот, кому приходилось бывать в восстановленном московском храме Христа Спасителя, пантеоне российской воинской славы, без сомнения, обращал внимание на мраморные доски, где золотыми буквами прописаны названия полков: Брестского, Гродненского, Минского, Полоцкого, Могилевского.

Спустя столетие с небольшим в героической эпопее советского народа в войне Великой Отечественной заблистают и славные боевые дела дивизий, полков Красной армии, партизанских отрядов, в названиях которых ожила нетленная связь времен и утвердилось непреложная истина: мы – не «иваны, не помнящие родства».

В когорте имен видных советских военачальников, запечатленных в сводках Совинформбюро, в честь которых гремели победные салюты, не затерялись имена могилевчан: дважды Героя Советского Союза маршала И. И. Якубовского, генерала армии В. А. Пеньковского; гродненца, генерала армии А. И. Антонова; брестчанина, Героя Советского Союза А. С. Благовещенского и будущего командующего ВДВ Героя Советского Союза В. Ф. Маргелова. О нем будет сказано особо.

«Память» – так называется уникальный многотомный титанический труд белорусских краеведов, историков, литераторов, архивистов, музейных работников, в котором, как в кринице, отразилось желание в форме историко-документальных хроник описать прошлое городов и районов Беларуси, поведать о людях, чьим трудом, разумом и необычайной жертвенностью творилась сама История. Перелистаем же одну из книг «Памяти», где повествуется о городе Осиповичи, в котором в семье Ивана Антоновича и Анны Акимовны Шпаков появился первенец, «дитя войны».

Произошло это событие 8 сентября 1943 года. По единодушному решению супругов мальчугана назвали Георгием. Так в то время ждали Победу, так величали поборника добра и справедливости христианского святого Георгия Победоносца, такое героическое и благозвучное имя носил Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Итак, избранные страницы истории города Осиповичи.

По результатам переписи, проводившейся в западных губерниях Российской империи в 1897 году, три небольших деревни с населением в 526 человек, железнодорожная станция Осиповичи, на которой работало 200 человек, и поселок численностью 200 человек, прилегающий к ней, стали именоваться городом. В 1959 году в Осиповичах проживало чуть более 15000 человек.

История Осиповичской земли не менее древняя и драматичная, чем у других земель Беларуси, по дорогам которой не единожды прошептали орды завоевателей. Однако наиболее кровавый и жестокий след на присвислочских землях оставили фашистские захватчики.

В июне 1941 года на подступах к Осиповичам отважно сражались воины-десантники 214-й воздушно-десантной бригады, соединения, которое стало одним из первых формирований ВДВ СССР.

Жители Осиповичей свято чтут память героев. Фотографии комбрига 214-й А. Ф. Левашова и отважных десантников размещены на стендах краеведческого музея и на страницах историко-документальной хроники Осиповичского района «Память». В этой же уникальной книге помещены фотографии и обстоятельный очерк о знаменитом земляке Г. И. Шпаке.

В известной повести А. И. Куприна «Юнкера» описано, как будущие офицеры распевали удалую частушку:

Терпеть я штатских не могу
И называю их «шпаками»...

Такое якобы пренебрежительное сравнение с птицей, несущей на крыльях весну, необъяснимо. Ко всему, белорусское слово «шпак» (скворец по-русски, а по-польски и по-чешски – «шпачек») прочно вошло в название многочисленных весей и в славянскую родословную.

Василий Антонович Шпак, участник Великой Отечественной войны, провел любопытное исследование рода Шпаков. Его родной брат Иван Антонович (1918 г. р.) «после окончания сельской школы поступил учеником слесаря в Осиповичское паровозное депо по ремонту паровозов... затем стал помощником машиниста, выезжал необходимое количество километров... и был командирован на курсы машинистов в город Гомель».

В 1938 году Иван Антонович был призван в Красную Армию и после окончания курса молодого бойца был зачислен на офицерские курсы, которые окончил с отличием, о чем свидетельствовали два кубика на петлицах.

В начале войны 21-я армия Юго-Западного фронта, где проходил службу лейтенант Иван Шпак, оказалась в самом пекле боев за Украину и попала под Полтавой в окружение. А дальше был фашистский плен, из которого Ивану Антоновичу удалось бежать. На подходе к родной деревеньке Орча лейтенант Красной Армии Шпак в изнеможении опустился на землю. Неожиданно показалась телега. Лошадью правила молоденькая девушка, которая согласилась подвезти офицера до деревни. Едва тронулись в путь, как раздался грозный окрик полица. Выручила девушка: «Стреляй, гад, и в меня!». Рука изменника дрогнула.

Обратимся к воспоминаниям Василия Шпака.

С трудом брат добрался до родных мест и кое-как пришел в норму, поскольку был не только ослабшим, но и опухшим... Брат стал искать возможность уйти в партизаны, но партизанский командир... предложил остаться в деревне связным. Как он сказал, «нам, партизанам, намного ценнее иметь хорошего связного, чем партизана». Одновременно брату рекомендовано было жениться и устроиться на работу в г. Осиповичи. Брат выполнил указания партизан, женился на Овсянниковой Анне Акимовне, устроился кочегаром и продолжал действовать на опасной работе партизанского связного...

Выбор суженой, описанный Василием Шпаком, обескураживает, впрочем, как и поведение жениха, который, словно по уставу, приложил руку к козырьку, ответил «Есть!» и сочелся законным браком с избранницей.

Не станем осуждать ни автора воспоминаний, ни новоявленных молодоженов. Узы Гименея, скрепленные жестоким военным лихолетьем, постоянным напряжением и опасностью, оказались прочными. В семье Шпаков, Ивана Антоновича и Анны Акимовны, до конца их земных дней царили совет да любовь.

Памятуя, что формирование личности начинается с малой родины, с картинки в букваре, «с хороших и верных товарищей, живущих в соседнем дворе» и «с той песни, что пела нам мать», мы поехали с Георгием Ивановичем в Осиповичи и первым делом отправились на местное кладбище, а затем в церковь, поставить по свече за упокой души рабов Божьих Ивана Антоновича и Анны Акимовны Шпаков. Слово Г. И. Шпаку.

Обстановка после войны была сложная, а отец, мудрый мужик, вовремя наставил на путь истинный. Когда с братьями приходим на кладбище, сплошь и рядом могилы одноклассников, приятелей по двору, просто ровесников. Этот убит в пьяной драке, другой спился, третий по какой-то иной причине умер. Все слишком рано. Становится очень грустно, а порою даже и жутко. И в такие моменты я снова и снова с благодарностью и открывшимся с годами пониманием вспоминаю, что отец и мама сделали для нас, троих своих сыновей, все возможное, чтобы мы не только не потерялись в этой жизни, но, напротив, обрели себя в ней.

Отец мой много лет назад строго-настрого наказывал нам, братьям: «Нельзя драться друг с другом». У нас в детстве, разумеется, то тут, то там случались стычки между собой. Отец постоянно приводил в пример хрестоматийный веник, который, если разжать на прутья, легко можно сломать, но в связке эти прутья не переломить никому.

Судьба разбросала братьев Георгия, Николая и Валерия по разным уголкам великой страны. Николай пошел по стопам отца, стал начальником Барановичского отдела железной дороги.

Валерий после окончания Минского суворовского училища и Московского общевойскового училища имени Верховного Совета СССР долгое время служил на Дальнем Востоке. Генерал-майор. Командовал дивизией на Чукотке, воевал в Чечне. Службу закончил военным комиссаром Ростовской области.

Воспоминания, которыми делится со мной Георгий Иванович, словно волшебный посох, уводят в его далекое детство. От того послевоенного городка, по которому дважды прошлась злосчастная война, осталось немного.

...Жили, как и почти все в то время, частенько и голодно, и холодно, но даже в эти тяжелые годы отец сумел заработать и скопить деньги на дом. Собрал родню, друзей и начал строить. Маму помню постоянно в заботах. Родители все время пытались свести концы с концами, зарплаты были маленькими, а детей – трое. Жили дружно. Одно из ярких воспоминаний детства – поездки на лето в деревню к бабушке. Звали бабушку Федора Трофимовна.

Она была хозяйственная, суровая. Бывало и шумела, и ругала нас за проказы, но очень любила. С тех пор знаком я с крестьянской жизнью. Зарабатывали за бабушку трудодни, ездили на лошадях в ночное, заготавливали сено, пахали, боронили, сажали, косили. Все делали! У бабушки была корова, так мы и подпасками ходили. В том числе и в колхозное стадо, была такая обязанность. Деревня воспитала привычку рано вставать, много работать, дала хорошую физическую закалку. Уже заморозки на земле, а мы все еще бежали босиком.

Перед отъездом из Осиповичей мы снова зашли в храм. Я исподволь наблюдал за моим собеседником, когда он ставил свечи перед образами Господа, Божьей матери, православных святых, и отмечал, сколь непритворным было его моление. «Чти отца своего и мать свою и благословенны будут твои дни на земле», – гласит одна из библейских заповедей, которой, как оказалось, Георгий Иванович следовал всегда. А ведь ему, как и его сверстникам, выросшим во времена воинствующего материализма, познавшим на курсантской и академической скамьях схоластику оторванных от земного бытия всевозможных «измов», чудом удалось сохранить в душе многие идеалы, которые пытались вытравить из народа безбожники.

Вспоминает Георгий Иванович Шпак.

Моя двоюродная сестра Анна попросила, чтобы я был крестным у ее дочери Ольги. К тому времени я был уже коммунистом. Отвечаю ей: «Как я могу, я же коммунист!» И тогда встал отец и сказал: «Не дури! Ты сам крещеный. Это большая честь для человека – быть крестным, нести за человека духовную ответственность. Или ты ответственности боишься?»

Оля – моя первая крестница, сейчас их число у меня за двадцать перевалило.

А в 1997 году произошло событие, которое отныне стало для меня в ряд важнейших вех всей моей жизни. Дело в том, что я имел высокую честь быть знакомым с Патриархом Московским и всея Руси Алексием Вторым. Все церковные награды вручал мне лично Патриарх, он являлся для меня непрекращаемым авторитетом, я благодарен ему за доверие и поддержку во время губернаторских выборов: «Шпаку Георгию Ивановичу, выдвинутому кандидатом в губернаторы Рязанской области. Даю свое согласие на использование моих фотографий в агитационных материалах, для предоставления в избирательную комиссию... Патриарх Московский и Всея Руси Алексий».

Дело в том, что нынешний избирательный закон требует письменного согласия на то, что кандидат явит себя избирателю на совместном фото. И вот благодаря этой бюрократической, но на самом деле нужной формальности мне довелось узнать степень доверия ко мне нашего Владыки.

Я – русский, питерец; Георгий Иванович – белорус, могилевчанин. Из моих двадцати семи календарей армейской службы более половины приходится на Белорусскую Советскую Социалистическую республику, и все, что связано с ней, я бережно храню. По традиции в памятный для каждого ленинградца день 27 января, в день окончательного снятия блокады, мы с боевыми товарищами, памятуя о том, что «никто не забыт и ничто не забыто», возлагаем венки к могилам солдат, в том числе и белорусских полков, сложивших головы на Ленинградском фронте. Как выяснилось, и две родные тетки Георгия Ивановича сполна познали тяжести жизни в городе на Неве во время блокады.

Работая над книгой «Маргелов», которая вышла в серии «ЖЗЛ», я посетил Костюковичи, родину легендарного командующего ВДВ. Каково же было мое удивление, когда, подъезжая к небольшому пригорку, я увидел памятник. Венчал его символ моего родного города – бронзовый кораблик, миниатюрная копия того, что красуется на шпиле Адмиралтейства. Оказалось,

что в июле 1941 года здесь в жестоких боях с фашистами пал смертью храбрых I Коммунистический Ленинградский батальон. Это ли не подлинный образец нашего боевого братства!

Слово Г. И. Шпаку.

В нашей еще совсем недавно существовавшей единой стране не принято было искать принципиальных различий между русскими, белорусами, украинцами и людьми других национальностей, слишком свежи были воспоминания об общей беде – Великой Отечественной войне, о том, как всем миром победили врага.

В судьбе каждого из нас командующий ВДВ Василий Филиппович сыграл едва ли не решающую роль. Меня, солдата 244 учебного полка ВДВ, который располагался в Черехе, близ Пскова, он «соблазнил» предложением поступить в училище. К судьбе Георгия Ивановича Шпака командующий ВДВ также приложил свою руку.

В 1931 году В. Ф. Маргелов, отличник боевой и политической подготовки, после успешного окончания Объединенной Белорусской военной школы имени ЦИК БССР¹ был назначен командиром курсантского взвода, затем ротным и преподавателем тактики. Простое совпадение это или нет, рассудило время. Однако привередливый читатель может ядовито заметить, что в назначении лейтенанта Шпака на должность командира курсантского взвода сыграл не столько красный диплом выпускника, сколько землячество – В. Ф. Маргелов и Г. И. Шпак родом с Могилевщины.

И все же здесь случай иной. И свидетельствует он об особой прозорливости командующего ВДВ, который сумел разглядеть в молодом офицере особую струнку, трудолюбие и целеустремленность, которая в конечном итоге позволила Г. И. Шпаку встать вровень по должности с «батей».

От Осиповичей до Костюковичей, родины Героя Советского Союза генерала армии Василия Филипповича Маргелова, можно сказать, рукой подать. Мы ехали по ухоженной дороге и с горечью вспоминали злосчастный апрель 1986 года, когда над Белоруссией прошелся смертельный вихрь Чернобыля. Я в ту пору служил в Новополоцком горвоенкомате, отвечал за комплектование офицерами запаса частей и подразделений, которые принимали участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на территории Могилевской области. На моих глазах творилось невообразимое. Яркая зелень леса словно лишаем покрывалась грязно-коричневыми пятнами, нещадно «фонили» дороги, на слуху появилось изрядно подзабытое со времен войны слово «беженец», невидимая, но жестокая коса радиоактивной смерти уносила безвременно сотни жизней.

Беду, навалившуюся тогда на Белоруссию, я по сей день воспринимаю как личную боль. Такая же боль прочно поселилась и в душе Георгия Ивановича.

Но вот и Костюковичи, можно сказать, окраина Беларуси. Небольшой городок, в котором чувствуется рука хозяина и памятьливость горожан. В краеведческом музее целый раздел посвящен Василию Филипповичу Маргелову, а на Аллее Героев – бюст человеку, который более четверти века возглавлял Воздушно-десантные войска СССР. Возлагаем венок, цветы, и каждый из нас остается наедине со своими воспоминаниями.

Ими с читателями делится земляк Маргелова генерал-полковник Георгий Шпак.

«Дядя Вася», часто приезжал как с плановыми, так и с неожиданными проверками в наше Рязанское училище. Сегодня кросс устроит, завтра – рукопашный бой, послезавтра – подтягивание. Раз приехал и говорит: «Всех офицеров на стрельбище!»

¹ С 1933 года – Минское военно-пехотное училище имени М. И. Калинина.

Решил генерал проверить, как офицеры училища стреляют из пистолета, и сам встал на огневой рубеж. Меня, как мастера спорта по пулевой стрельбе, выставили на рубеж рядом с командующим. Следом поставили еще двух более или менее приличных стрелков, но разрядом ниже. Для меня пистолет Макарова стал настолько за эти годы родным и привычным, что, казалось, можно с закрытыми глазами в мишень попасть. Зрение великолепное, рука никогда не дрожала. Я спокойно поднял руку, прицелился и, не опуская руки, сделал подряд три выстрела. Вдруг слышу кашель, а потом и знаменитый фирменный маргеловский мат: «Ты чего... сопляк, тут выкобениваешься?!» Я стою, не могу ничего понять. Думаю: что я нарушил? Все стоят, не стреляют и смотрят, как генерал отчитывает лейтенанта. Стою навзрыд, молчу – а что ему скажешь? Не могу понять, в чем дело. Потом только понял, что в тот момент мою чрезмерно спокойную, как показалось тогда генералу, манеру стрельбы «дядя Вася» принял за пизжонство. Кричал он, кричал и вдруг решительным шагом пошел к мишеням. Очки снимает и глазам не верит. А в мишени внутри «десятки» еще одна поменьше, очерчена пунктирной линией, и все мои пулевые отверстия внутри этого самого пунктира. Поворачивается ко мне Маргелов: «Ну, ты даешь!». И пошел вдоль мишеней, а там результат намного хуже – ни одной десятки. Слышу, опять кричит, но теперь уже не на меня, а обо мне: «Учитесь стрелять у лейтенанта». Тут же построили все училище, всех офицеров, вывели меня из строя, он часы мне подарил, пожал руку, обнял.

Мне всегда претило и будет претить человеческое высокомерие, когда индивидуум, словно по поговорке, попадая «из грязи да в князи», теряет чувство меры, отрывается от действительности, отметаает, будто прах, прошлое, отрекается от друзей и близких. Высокомерию и тщеславию, порокам, присущим людям с флюгерным и худосочным мышлением, с извращенной мелкой душонкой, противостоит скромность.

Откроюсь читателю: я работал с записками Георгия Ивановича Шпака с удовольствием и с творческой легкостью, когда «словам просторно – мыслям тесно». И немудрено. Мы – люди одного поколения, одного жизненного уклада, который, не в пример «перевертышам», никогда и не при каких обстоятельствах не станем очернять. Да и в тех трудностях, которые я испытывал, есть своя прелесть. Скромность, сызмальства присущая человеку, о котором я веду речь, сомнению не подлежит. И потому мне приходится с особой, но деликатной настойчивостью выпрашивать, выведывать у героя моего повествования многое из того, что осталось за пределами собственноручных записок.

В 2000 году решением Осиповичского горисполкома Георгий Иванович Шпак был удостоен звания Почетного гражданина города Осиповичи.

Ершистый Шпак

Когда я начинал работу над документальным повествованием, то договорился с Георгием Ивановичем о том, что ни острые углы, ни возможно не слишком приятные страницы биографии обходить не будем, иначе сотворим лакированный лубок служаки, который сызмальства, по М. А. Шолохову, «как в лета войдет, генералом будет». Пай-мальчиком Георгий не рос, а родители – так те сутками пропадали на работе, где уж тут углядеть за сорванцом.

Вот как описывает школьные годы Г. И. Шпак.

Учиться в детстве мне не хотелось. Учился на тройки, вечно не хватало времени, бежали мы на речку, в лес, до уроков ли тут. Парень я был уличный, одним словом, разгильдяй. Где двойка, тройка, где четверка, отец нам с братом как мог «вваливал», но даже «ременные аргументы» не помогали. Даже по прошествии времени не скажу, в чем была сокрыта причина. Наверно, натуре моей бойкой усидчивость в те годы не давалась. Хотя учителя, даже те, что раз за разом ставили в дневник «уд», а то и «неуд», считали меня способным к учебе. Однажды дошло до того, что я бросил школу. Было это так. В возрасте 15 лет, будучи учащимся восьмого класса, я для себя решил, что образование мне ни к чему. А тут еще, как на грех, повздорил с учительницей. Вызвал меня директор, а я ему сказал: «Что хотите делайте, в школу больше не пойду!» Скандал, одним словом. Я, было, подумал, что отец с мамой начнут меня отговаривать, приготовился к серьезному разговору. Но отец поступил неожиданно. Он пристроил меня работать в вагонное депо, смазывать буксы. И только когда я отработал полгода, то понял, насколько он мудрый человек...

Как-то прочитал в газете, что проводится набор в железнодорожное училище. Сказал отцу, что пойду по его стопам и стану железнодорожником. Поехал в Минск, поступил в железнодорожное училище. Уже тогда хотелось самостоятельности. А в училище вместо учебы была сплошная практика: слесарничали в паровозном депо. Веселое было время. Жили в комнатах по 5 человек в каждой, платили за койку. Кормили нас в училище. Форму выдали черную. Очень она мне нравилась! Фуражка с кокардой. На кокарде «птичка» и скрепленные молоточки. Железнодорожная эмблема. Ремень с пряжкой. Красота!

Но существовала в те годы проблема: железнодорожное училище, так называемое ФЗУ (фабрично-заводское училище), не давало аттестата о среднем образовании и продолжить учебу в высшем учебном заведении было невозможно. Одновременное обучение в вечерней школе и училище было по каким-то причинам запрещено. Может быть потому, что кому-то не очень верилось, что такое вот «образовывание» на два фронта даст хотя бы в одном из учебных заведений положительный результат. Тем не менее, я поставил для себя цель получить среднее образование и тайком от училищного начальства поступил в 10-й класс вечерней школы.

И когда об этом моем совмещении все же узнали, было, как говорится, поздно. Выгонять не стали. До сих пор благодарен директору училища, который, когда ему донесли о нарушении правил, закрыл на это глаза, и я продолжил учебу одновременно в железнодорожном училище и вечерней школе. Надо сказать, что, несмотря на бывшую ранее нелюбовь мою к учебе, школу закончил более чем прилично. Плюс к девятнадцати годам у меня была рабочая профессия.

Добродушный читатель, возможно, промолвит: «Что ж, обычная биография рабочего паренька, вовсе не хватающего звезд с неба», а злопыхатель не без иронии добавит нечто о «гомо сапиенсе совкового периода»...

Труд рабочего, крестьянина, ученого, военного в последние годы перестал быть «делом чести, доблести и славы», да и сам «Марш энтузиастов» со словами «Нам нет преград ни в

море, ни на суше», по-видимому, ушел в безвозвратное прошлое. А между тем Советская страна предлагала любому юноше множество дорог для реализации помыслов и мечтаний, да и статья Конституции СССР, в которой говорилось, что «защита Отечества является священным долгом каждого советского гражданина», являлась не пустым звуком.

Становление

Не совершу открытия, если воспроизведу поговорку, уходящую во времена оны и нелицеприятно характеризующую российский офицерский корпус: дескать, у обладателей офицерских погон в мозгах одна извилина, да и та от фуражки. Кому-то уж сильно хотелось прежде, а тем более теперь, умалить интеллект «слуг Отечества, отцов солдатам», низвести до примитива Кодекс офицерской чести, опорочить само понятие «воинский долг» и отвергнуть непреложную истину: солдатами, а тем более офицерами, не рождаются, ими становятся.

Таким верхоглядам генерал-полковник Г. И. Шпак дает ответ:

Мне бы хотелось высказать свое отношение к нынешнему положению дел с призывом в Вооруженные силы. Кто-то любит объяснять повальное уклонение юношей от армии тем, что сегодня армия якобы не та, что была прежде, забывая или попросту не желая понять: армия – это мы, те, кто приходит в нее служить. И если туда придет наиболее развитая и физически, и интеллектуально часть нашей молодежи, тогда и армия будет на высоте!

Я никак не могу примириться с развившимся в последние годы вопиющим социальным и просто человеческим неравенством. Почему одни должны служить Родине в Вооруженных силах, а другие, получается, не обязаны? Живем-то все в одной стране!

Этакие «избранцы».

С другой стороны, оружие и сложную боевую технику можно доверить далеко не каждому. Пусть не очень здоровый физически юноша и в самом деле отдаст свой конституционный или, проще, гражданский долг своей родной стране как угодно, с былинной уткой в руках, с лопатой или за компьютером. Почему нет? Да только слишком много примеров тому, когда благие задумки оборачивались профанацией или, если совсем просто, обманом.

Мы с Георгием Ивановичем одногодки и призывники так называемого Карибского кризиса, который грозил Третьей мировой войной. Песню «Куба – да! Янки – нет!» тогда распевала вся страна, а в комитетах комсомола не было недостатка от добровольцев. Постановлением Советского правительства было приостановлено увольнение солдат и матросов, отслуживших установленные сроки, военные комиссариаты работали с полной нагрузкой. Советская армия находилась в состоянии полной боевой готовности.

Рассказывает тогдашний призывник Г. И. Шпак.

В августе 1962 года я, восемнадцатилетний юноша, не стану скрывать, с трепетом переступил порог райвоенкомата Октябрьского района города Минска. Хотя должен сказать, времени, когда мне придется служить в армии, давно ожидал с веселым нетерпением молодости. И старался, как мог, подготовить себя физически и морально.

Когда я только начал учиться в школе, еще не было специальных спортивных секций. Они появились несколько позже. Однако и в обычных школах физическое воспитание было очень развито. Быть спортивным, крепким, ловким и выносливым считалось, по-нынешнему говоря, престижным.

Я входил в состав сборной школы по легкой атлетике, метал диск, копье, толкал ядро, играл в футбол, волейбол. Как-то раз даже выиграл бронзовую медаль в первенстве района в гонке на 50 км на велосипедах.

Позже занялся тяжелой атлетикой. В локомотивном депо, где я проходил производственную практику, оказался тренер по этому виду спорта. Он меня и приметил. Я тогда занимался гириями, крепкий был, жилистый. Начал заниматься штангой, а еще через год стал ходить в секцию пулевой стрельбы из винтовки и спортивного пистолета.

Во всякой случайности, по обыкновению, присутствует элемент закономерности. То, что в военном комиссариате решили судьбу призванного Г. Шпака, признав годным к службе в Воздушно-десантных войсках, предопределило отменное здоровье и образование. Чего греха таить – в начале 60-х годов число солдат и сержантов в Советской Армии, имевших среднее образование, едва дотягивало до трети. Именно они пополнили ряды учебных подразделений, попросту именуемых «учебками», где готовили младших командиров.

Солдатская мудрость гласит: «Попал в ВДВ – гордись, не попал – радуйся!», и можно смело представить, что творилось в душе у новобранца Георгия Шпака, когда он вместе с другими земляками-белорусами оказался в Рязани, в Дашках, где располагался 137-й гвардейский парашютно-десантный полк, входивший в состав 106-й «Тульской» гвардейской дивизии... Наверное не стоит говорить, что о службе в ВДВ новоиспеченный воин имел весьма смутное представление, да и в графе парашютных прыжков стоял твердый ноль.

Тот, кто пережил годы хрущевской «оттепели», доподлинно знает, сколь претерпели Вооруженные силы СССР от шапкозакидательства и верхоглядства в подходах формирования военной доктрины государства. Зуд сокращения самых боеспособных частей и соединений Советской Армии не обошел и Воздушно-десантные войска и прежде всего сказался на форме. Фуражка с малиновым околышком и такого же цвета солдатские погоны, а у офицеров про-светы на погонах заменили родной голубой цвет, и лишь десантные эмблемы свидетельствовали о принадлежности к ВДВ. Не случайно в обиходе существовало небезызвестное выражение «крылатая пехота».

Не лучше обстояли дела и с офицерскими кадрами, их катастрофически не хватало, и единственное в стране военное училище, которое готовило офицеров-десантников, с превеликим трудом компенсировало прорехи.

Располагалось училище в Рязани и долгие годы пребывало под вывеской войсковой части 75021, которая прочно ассоциировалась с аббревиатурой РКПУ. С поры своего основания Рязанское командное пехотное училище² не единожды меняло свое название, дополнявшееся по мере заслуг в защите Отечества, однако и по сей день звание «ркпэушника» превратилось в визитную карточку его выпускников различных годов.

Командующий ВДВ Герой Советского Союза генерал-полковник В. Ф. Маргелов считал нехватку офицеров сущей бедой и потому требовал от кадровиков, чтобы они колесили по войскам и вели отбор кандидатов для поступления в училище.

В рязанский полк прибыл офицер-кадровик и вызвал на беседу рядового Шпака. При этом офицер старательно избегал называть училище «воздушно-десантным».

Хотя бы кратко поведаем о старинном русском городе Рязани, в котором «в годину бурь и трудных испытаний училище родное родилось» и в котором Георгию Ивановичу Шпаку многие годы спустя довелось возглавить «субъект Российской Федерации» – Рязанскую губернию.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Рязань – губернский город на реке Трубеж, в 2-х верстах от впадения ее в Оку, на железнодорожном пути, соединяющем Москву с Казанью... Жителей 44552 (24704 мужчин и 19848 женщин).

Рязань принадлежит к старейшим городам Русского государства; она упоминается в летописи под именем Переяславля Рязанского в 1095 году.

² Основано 13.11.1918 как Пехотные курсы красных командиров.

Всех учебных заведений в 1896 году было 31, в том числе духовная семинария (627 учеников). Богаделен 6, приютов 2, больница и дом умалишенных, 3 аптеки.

Городских доходов в 1894 году получено 172670 рублей.

(По данным Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, СПб., 1890–1907).

Город, центр Рязанской области... Крупная пристань на р. Оке. Узел железнодорожных линий на Москву, Владимир, Рузаевку, Рязск.

В 1970 г. 350 тысяч жителей. В Рязани 4 городских района... В 1521 г. Рязань вошла в состав Московского государства. В 1708 г. город включен в Московскую губернию.

Советская власть установлена 26–30 октября (8–12 ноября) 1917 года... С 1937 года областной центр.

Город застраивался зданиями в стиле классицизма, в т. ч. гимназия (ныне с/х институт), бывшее дворянское собрание, дом офицеров, больница, торговые ряды.

В 50–70 годы выстроены театрально-концертный зал им. С. Есенина, цирк, почтамт, вокзал Рязань-2.

Памятники И. П. Павлову (1949), В. И. Ленину (1957), Ф. А. Полетаеву (1970).

(Большая Советская энциклопедия. Т. 22, 1975).

Теперь уже не столь важно, кому принадлежит пальма первенства в том, что Рязань называют «столицей ВДВ», а дашковский полк «парадным». Но одно дело отслужить свой «государев» срок три года в «десанте крылатом» и вернуться к гражданской жизни, иное – связать свою судьбу надолго с «продуваемыми всеми ветрами» войсками, аббревиатура которых в устах армейских юмористов звучала как «Возможно двести вариантов» и «Войска дяди Васи».

Между тем командующий ВДВ генерал В. Ф. Маргелов немало передумал, прежде чем училище стало подлинной кузницей офицерских кадров. Но обо всем по порядку о том, как принималось решение о поступлении в РКПУ, рассказывает бывший абитуриент Георгий Шпак.

После беседы с офицером из общевоинского училища я сказал: «Согласен». Потом все же сбежал в город позвонить отцу. Дома у нас телефона не было, был в бане рядом с нашим домом. Отца позвали к телефону. Говорю: так, мол, и так. Предлагают учиться в военном училище.

Отец: «Немедленно соглашайся! Не-мед-лен-но! Иди в офицеры и никаких разговоров».

После такой мощной поддержки мое решение стало и вовсе окончательным.

Да что скрывать – мне и самому очень хотелось стать офицером. Но до момента, когда состоялась та памятная беседа с представителем училища, я просто боялся себе в этом признаться открыто. Дело в том, что в городе Осиповичи, в котором я родился, располагались два военных городка – Северный и Южный. И военными город был просто заполнен. Мы учились со многими детьми офицеров, бывал я много раз в их семьях. Честно сказать, все мы, гражданские, считали их, как бы правильнее выразиться, на порядок выше. Бытовало повсеместное мнение, и надо сказать, небезосновательное, что они грамотнее, культурнее и обеспеченнее. Подлинная элита общества, что называется, «белая кость», внушавшая всеобщее уважение. Это и наложило свой отпечаток на робкие, подчас неосознанные мои мечтания. Тогда я, разумеется, еще не предполагал, какой тяжелейший труд, самоограничение и воля стоят за блеском золотых офицерских погон.

Курсант Георгий Скворцов

Итак, год 1962-й. Первый курс. Ровно за год до этого командующий ВДВ убедил руководство Министерства обороны СССР о перепрофилировании училища. Прежде выпускники получали высшее образование с «математическим уклоном», а в предметный план входили занятия по физике, начертательной геометрии, сопромату и другим техническим дисциплинам. В 1962 году училище, которое считалось закрытым военно-учебным заведением, перешло на подготовку военных переводчиков. Все оставалось на своих местах: тактика, огневая и воздушно-десантная подготовка, предметы, определявшие политическую подкованность будущих офицеров: история КПСС, диамат, научный коммунизм. Но в стенах бывшей духовной семинарии зазвучала иностранная речь.

Слово Г. И. Шпаку.

В самом начале учебы построили нас, курсантов и задали вопрос: «Кто желает изучать английский язык?» Причем неважно, изучал ты его ранее или нет. А мне так немецкий надоел в школе, что я сразу руку поднял. Так и попал в английскую группу. Мы начали изучать язык, как говорят англичане, «begin from the very beginning». Начиная с самого начала. С самых азов. А к третьему курсу мы абсолютно свободно разговаривали на английском. Все, за редким исключением. Каюсь, очень я в те годы любил на людях, особенно в присутствии девушек, щегольнуть знанием языка. Мы, курсанты, умудрялись иной раз, как тогда говорили, «забивать баки» студентам иностранного факультета педагогического института. Даже спустя много лет, будучи уже в ранге командующего ВДВ с визитом в США, я мог общаться со своими американскими коллегами, конечно, в рамках обычной беседы на простые житейские темы. Однако, если учесть, что с момента окончания училища занятия иностранным я, чего скрывать, забросил, представляете, какой качественной была подготовка, чтобы через десятилетия на вопрос американского генерала: «How are you?» моментально ответить: «Fine, thanks. I am so glad to meet you and I remember my English learned by myself forty years ago»³.

«Курс молодого бойца» в училище это одновременно и оселок, на котором оттачивается характер, и индикатор, отражающий правильность или ошибочность выбора. И только долгожданная команда «Отбой!» позволяла после напряженной боевой учебы остаться наедине со своими мыслями и реально оценить собственные силы.

Новоиспеченный первокурсник Георгий Шпак оценивал их так.

Руководили процессом вставания в новый для многих военный быт помимо офицеров сержанты. Взрослые, серьезные, обстоятельные мужики, они драли с нас шкуру три месяца и сразу заставляли приспособиться к суровым условиям. Я быстро вошел в такой резкий и, на взгляд иного молодого человека, жесткий ритм жизни, так как воспитывался в рабочей среде. Для меня эти ранние подъемы, физические упражнения и кроссы были вполне привычны и не составляли большого труда.

6 ноября 1962 года мы принимали присягу на плацу училища. Оркестр заиграл гимн Советского Союза. Зазвучали фанфары, раздалась команда: «К принятию военной присяги приступить!». Волнующая минута.

Как мы помним, училище в ту пору именовалось общевоинским, но в начале 1963 года в форме курсантов произошли радикальные изменения: на погоны, петлицы, околыш фуражки

³ «Благодарю, прекрасно. Я рад нашей встрече и замечу, что изучал английский сорок лет тому назад».

вернулся «родной» голубой цвет. Так целенаправленными помыслами Командующего ВДВ В. Ф. Маргелова постепенно повышался престиж Рязанского краснознаменного, конкурс при поступлении в которое рос год от года и в котором небо проверяло на прочность характеры в готовности не спасовать перед трудностями.

Вот как описывает свой первый парашютный прыжок генерал Г. И. Шпак.

Свой первый прыжок совершил 17 января 1963 года. К этому дню инструкторы готовили нас четыре с половиной месяца. Внутренне каждый из нас готовился сам. Не знаю, какой из аспектов подготовки десантника к первому прыжку важнее. Несомненно, что технические действия необходимо довести до автоматизма, следует настроить себя таким образом, чтобы парашютист не растерялся в небе, чтобы смог нормально соображать, что к чему. Несколько человек сразу уехали, испугавшись прыжков. Говорили, что страшно.

Готовили нас долго, тщательно, и только зимой, когда был глубокий снежный покров, мы совершили свой первый прыжок. В то время очень серьезно относились к боевой подготовке. Невозможно было представить ситуацию, подобную той, когда на штурм Грозного в конце 1994 года бросили едва обученных наматывать портянки мальчишек. Но все это будет намного позже, и я еще попытаюсь в этих записках рассказать о той войне. А пока на дворе начало 1963 года, и курсант Шпак готовится к своему первому прыжку. Теперь-то я знаю по опыту: первые свои два, а то и три прыжка совершаешь в каком-то полубессознательном состоянии. Только потом начинаешь понимать, что и как. После третьего прыжка начинаешь опасаться уже конкретной, осознаваемой тобой опасности: можно и ногу сломать при приземлении, нежелательно приземляться на лес, провода, воду – уже оцениваешь ситуацию и знаешь, к чему она может привести.

В общем, свой первый прыжок помнится мне в достаточной степени смутно. Помню, было очень холодно, как-никак январь. Надев парашюты, ждем команды занять места в Ан-2. Я уже знал, где мое место в самолете. Слегка волнуясь, однако во что бы то ни стало стараясь не выдать тревогу, сел. Покинув самолет, попытался развернуться в воздухе, но руки настолько замерзли, что даже за стропы взяться, как следует, не удалось.

С тех пор я совершил 565 прыжков с парашютом. Спустя многие годы, побывав в частях бундесвера и воздушно-десантного корпуса США, довелось опробовать и их парашютные системы. Хотя в этих вопросах я стараюсь быть осмотрительным. Небо не терпит наскока, да и просто пренебрежительного к себе отношения. Оно вполне может подкинуть тебе испытание, особо не интересуясь, готов ты к нему или нет.

Вот пример из собственной практики. В бытность свою командиром взвода курсантов во время очередного прыжка ко мне прямо в стропы «влетел» курсант Ярмольник. Дело в том, что купол прежних парашютов если попадал в створ «нижестоящего» купола, то сминался (воздуха не хватало) и проваливался. Вот парашют курсанта и попал в мой воздушный поток, парашютист налетел на меня и «отрубил» сразу три стропы. Наши купола сложились, и нас понесло к земле. Я взглянул вверх и закричал: «Володя, режь стропы!». Он достает нож-стропорез и на моих глазах режет, а я уже натянул лямку влево. Только разошлись, и сразу земля. Удар был довольно сильный, но был снег. В общем, отделались легким испугом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.